

Однако, если объектом был Гу Син, Чэн Дунсуй считал, что такой способ общения был вполне хорош.

Когда телефон снова зазвонил, Чэн Дунсуй взглянул на время.

Прошло двадцать пять минут.

— Суй-ге, — позвал Гу Син, отпустив Линь Тина и Цзи Чуаньжания, сходяв в туалет и удобно устроившись в постели, только тогда он позвонил Чэн Дунсюю.

На том конце раздалось равнодушное «угу», и после двух секунд молчания:

— Что произошло на съёмочной площадке? Почему ты так долго отсутствовал?

Заставлять Гу Сина рассказывать Чэн Дунсюю о сплетнях про Чжоу Юньчжи и его любовные дела было немного странно.

Такие, похожие на шёпот, вещи, делать своему спонсору, казалось, не соответствовало уровню их близости.

Конечно, физически они были достаточно близки и знакомы, даже очень совместимы.

Но мерилom близости, очевидно, был больше духовный мир.

Однако теперь это спрашивал Чэн Дунсуй, и всё было совсем иначе.

Гу Син с энтузиазмом и правдиво рассказал обо всём, что произошло, а затем высказал своё маленькое мнение: он считал, что с внешностью Чжоу Юньчжи, тот сам был в убытке, кого бы ни содержал.

На том конце раздался лёгкий смешок:

— А как насчёт нас с тобой?

Гу Син стянул одеяло с подбородка и уверенно ответил:

— Мы дополняем друг друга, созданы друг для друга!

Сказав это, он почувствовал, что это было неуместно.

Итак, когда Чэн Дунсуй опустил глаза, на лице его появилась улыбка, даже не до конца раскрывшаяся, он услышал объяснение юноши:

— Не пойми меня неправильно, я не имею в виду ничего такого, Суй-ге, у меня нет никаких неподобающих мыслей, будь спокоен.

Объяснение мальчишки было совершенно нормальным, но Чэн Дунсуй почувствовал, как что-то резануло его по сердцу.

Он смягчил тон, пытаясь объяснить:

— В последнее время я очень занят, поэтому не навещал тебя.

— Чжоу-шао мне сказал, я понимаю, все на съёмочной площадке хорошо, — небрежно ответил

Гу Син.

На самом деле, он был немного рассеян.

«Если бы властный президент Чэн был здесь, он мог бы сейчас... Эх, еда, секс, природа человека, игнорировать это невозможно».

Чэн Дунсуй на самом деле думал, что если мальчишка скажет, что скучает, он заставит его приехать, и это было бы возможно.

Но Гу Син, казалось, был избалованным, целыми днями предпочитая лежать, а не сидеть, но в глубине души он был независимым и ясным человеком, которого нельзя было недооценивать.

Казалось, он... мог хорошо жить где угодно.

Чэн Дунсуй так думал, когда услышал, как юноша на том конце с хриловатым, слегка взволнованным голосом произнёс:

— Суй-ге, я скучаю по тебе, хочу, чтобы ты помыл меня, как угодно.

Почти сразу Чэн Дунсуй почувствовал, как вся его кровь, с жаром, устремилась в одно место.

В его голове промелькнули множество прошлых чувственных и хаотичных сцен.

Гу Син услышал, как дыхание властного президента Чэн участилось, и не смог сдержать смешка.

Эх, делиться трудностями.

Телефон снова положили трубку, после того как юноша с довольной улыбкой произнёс:

— Спокойной ночи, Суй-ге.

Чэн Дунсуй посмотрел вниз, на своего бодрого младшего брата, и направился в офисную комнату отдыха.

Час спустя Сун Цинь, погружённый в работу, получил звонок от своего босса.

Он взглянул на время, до одиннадцати оставалось двадцать минут.

Сун Цинь подумал, что работать сверхурочно — это убийственно, но, к счастью, сверхнормативная оплата за переработку очень хорошо поддерживает.

— Вся работа за последние две недели нужно завершить за одну.

— Босс, это слишком тяжело для вашего здоровья... — Сун Цинь замялся, в основном потому, что сам уже не выдерживал.

— Когда закончишь, я дам тебе неделю отпуска, с зарплатой.

— Хорошо, босс, я сейчас всё организую, — Сун Цинь сразу воспрял духом.

Чэн Дунсуй встал:

— Завтра продолжим, иди домой.

Он изначально планировал только позвонить и уйти, но...

На съёмочной площадке съёмки возобновились через день, Ван Шэньжэнь не было.

Линь Тин с опаской шепнул Гу Сину, что Ван Шэньжэнь взял два дня отпуска, а на руке ассистента Сяо Аня были синяки.

Лицо Гу Сина слегка похолодело.

Однако Сяо Ань получал зарплату от Ван Шэньжэнь, и его вмешательство могло легко привести к тому, что он окажется между двух огней.

Но, столкнувшись с этим, Гу Син не мог оставаться равнодушным.

Он только попросил Линь Тина больше обращать внимание на дела Сяо Аня и, если будет возможность, помочь ему.

Ван Шэньжэнь успокоился, но люди на съёмочной площадке почувствовали ещё большее давление.

В основном потому, что Чжоу Юньчжи, как инспектор, каждый день ходил за съёмочной группой, как надзиратель.

Этот господин сам по себе был не так уж плох, лежал под зонтиком, и еду ему подносил новый любовник.

Но его аура была слишком сильной, и люди, снимавшиеся под его наблюдением, стали ошибаться в несколько раз чаще.

Режиссёр Лу был в ярости, но тот, кто платит, тот и заказывает музыку.

Он мог только утешать себя, что среди инвесторов Чжоу-шао был неплох, по крайней мере, Ван Шэньжэнь, которого он протолкнул, хоть немного умел играть, а в остальных делах съёмочной группы он полностью доверял и не вмешивался.

Гу Син закончил утренние съёмки и сразу вернулся в отель.

У него ещё были ночные съёмки, начинающиеся в восемь вечера, так что днём он мог отдохнуть.

Гу Син не знал, что вскоре после его ухода Чжоу Юньчжи тоже исчез с площадки.

Когда большого босса не было, эффективность съёмочной группы резко возросла.

Гу Син поспал после обеда.

Когда прозвенел будильник, он встал, чтобы просмотреть сценарий и выучить реплики, надеясь закончить ночные съёмки пораньше.

Когда пришло время ужина, раздался стук в дверь.

Открыв, он увидел, что, в отличие от обычного, это был не Линь Тин, принёсший еду.

Цзи Чуаньжэнь расставил заказанную еду, его лицо, как всегда, было мрачным, но он не ушёл

сразу.

Гу Син вышел из ванной, вымыв руки:

— У меня всё в порядке, сегодня у тебя ночные съёмки, иди поужинай с Линь Тинем и отдохни.

— Линь Тин объявил голодовку, — монотонно произнёс Цзи Чуаньжань.

Гу Син с удивлением посмотрел на него, затем встал:

— Отведи меня к нему.

Если бы это сказал кто-то другой, Гу Син не поверил бы ни слову.

После неудачной попытки самоубийства Линь Тин очень ценил свою жизнь и никогда бы не стал делать что-то вредное для здоровья.

Но мёртвенное выражение лица Цзи Чуаньжана придавало его словам зловещий оттенок.

Кроме того, он всегда был немногословен, и с ложью это никак не вязалось.

Голодовка или нет, но покрасневшие глаза Линь Тина явно свидетельствовали о том, что он был обижен.

— Кто тебя обидел, скажи, я разберусь с ним, — спросил Гу Син. — Голодовка — это наказание самого себя, это невыгодно.

Линь Тин с мнимым гневом посмотрел на Цзи Чуаньжана:

— Кто сказал, что я объявил голодовку?

— Дословно: «Так злюсь, что не хочу ужинать, объявляю голодовку!» — как робот повторил Цзи Чуаньжань, затем сел на диван и начал ужинать, больше не глядя на Линь Тина.

Линь Тин: ...

Теперь он действительно был в ярости!

Гу Син сдержал смех, терпеливо успокоил его и наконец выяснил, что произошло.

Днём Линь Тин вернулся с улицы и встретил У Юйчжао, который попросил помочь ему перенести кое-что.

Это само по себе было ничего.

Но У Юйчжао действительно не стеснялся, и, неизвестно откуда, у него оказалось столько вещей, что внизу образовалась целая гора.

— Я видел, что он выглядел так, будто недоедает, и согласился помочь, — Линь Тин был так зол, что его щёки надулись.

Он вздохнул, чтобы не умереть от злости, и продолжил:

— Но один из ящичков был наполовину помят, и я увидел это уже в таком состоянии, а У Юйчжао настаивал, что это я его испортил, и требовал, чтобы я заплатил, а затем сказал, что

не нужно, всё равно я не смогу заплатить... Он такой, ох... я просто в ярости!

Гу Син знал, что У Юйчжао был тем любовником, которого Чжоу Юньчжи взял с собой.

Он выглядел как добрый и приятный человек, не похожий на того, кто стал бы обижать других.

Но, не зная У Юйчжао, Гу Син, конечно, верил, что Линь Тин не лжёт.

Не было необходимости, и не было мотива.

Когда человек злится, заставляя его есть — это плохо для пищеварения.

Гу Син не стал заставлять Линь Тина есть, а только предложил пойти к У Юйчжао и всё выяснить.

Работать и не получить ни слова благодарности, а ещё и быть несправедливо обвинённым.

Что это за дела?

Линь Тин отказался:

— Брат, не надо... У Юйчжао ведь человек Чжоу-шао?

— Боишься, что доставишь мне неприятности? — Гу Син дружески обнял его за плечи. — Я меньше всего боюсь неприятностей, но боюсь, что ты мне не доверяешь, и боюсь, что ты страдаешь из-за меня, запомни это.

Цзи Чуаньжань, который ужинал, на мгновение замер.

«Оказывается, можно так: не бояться неприятностей, но не допускать, чтобы тебя обижали?»

У Юйчжао открыл дверь, чувствуя недоброе предчувствие.

Он посмотрел на Линь Тина, затем на Гу Сина:

— Чжоу-шао не здесь.

В его голосе чувствовалась лёгкая враждебность.

<http://bllate.org/book/16158/1447824>